

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГЕРМАНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

В этимологических исследованиях последних лет для этимологизации слов неясного происхождения нередко используется так называемая семантическая типология, под которой понимают закономерное развитие семантики в лексическом составе родственных или неродственных языков.

Дериваты **ие. корня *ро-/рә-** (гот. *fawai* «немногие», двн. *fao*, а. *few* «немного», лат. *paucus* «маленький», *paulus* «тж»), *puer* «мальчик», ди. *pōtah* «молодое животное», укр. *птаx* «птица») покрывают семантическую сферу, состоящую из трех основных семантических комплексов: «маленький, небольшой по величине», «ребенок» и «молодое животное». Две последние семы являются вариантами одной гиперсемы – [молодое существо]. Поэтому, в конечном счете, мы имеем дело с двумя семами – «маленький» и «молодой, юный». Примечательно, что фонетический комплекс *рò-/рә совпадает с первым компонентом ие. обозначения отца *рә-тēr. Этот компонент (по-видимому, вслед за Курциусом) идентифицируют с корнем *рò(¼)- «пасти скот», охранять» (ди. *pati* «охраняет, лат. *pāscere* «пасти»); следовательно, *рәтēr < «защитник, кормилец».¹ Однако уже несколько десятилетий в компаративистике господствует «лепетная» теория происхождения компонента *рә-, который вполне правомерно сопоставляется с детским словом *papa*. Такая гипотеза поддерживается данными специальных статистических исследований (см. [Murdock 1959]), в соответствии с которыми в большинстве языков мира обозначения отца и матери включают фонемы *p*, *b*, *m*, *n*, *t*, *d* – губные и зубные согласные, связанные со звукоизображением сосания груди² и поэтому особенно часто встречающиеся в лепетных словах.

Возникает вопрос: можно ли считать случайным совпадением употребление компонента рò-/рә- в обозначениях маленьких существ и родителей (отца)? По наблюдениям специалистов в области детской речи, нередко дети получают прозвища по своим лепетным словам. При этом возникает ситуация, когда одно и то же лепетное слово может быть использовано ребенком для обозначения старших членов семьи и взрослыми – при обращении к ребенку. «Слова детского происхождения, – пишет А.М. Газов-Гинзберг, – служат иногда и названиями самого ребенка» ([Газов-Гинзберг 1965: 88]). Отсюда наблюдаемый во многих языках параллелизм в использовании лепетных слов для обозначения ребенка и взрослого члена семьи; ср.: а. *baby* «дитя», араб. *babba* «тж» – рус. *баба*, *бабушка*, араб. *abh*, *abba* «отец», груз. *babua* «дед»; исп. *ni* «дитя», евр. *nin* «тж», но рус. *няня*, укр. *ненька* «мать». Сказанное дает основание выдвинуть гипотезу о том, что в обозначениях взрослых членов семьи (матери, отца, бабушки, дедушки) и детей встречаются одни и те же корни лепетного происхождения.

Это допущение относится не только к корню *pa-* (*рә-/рò-/ра-*), но и к корню *ma-* (*тә-/тә-*). С одной стороны, лепетный корень *тә- зафиксирован в ие. обозначении матери (рус. *мать*, лат. *māter*, дисл. *mōdir*).³ С другой стороны, корень *та-/те- встречается в обозначениях понятия «маленький» (напр., рус. *меньше*, н. *minder* < ие. *те(¼)-). Звуки *p* и *m*, которые, как сказано выше, являются характерными фонетическими признаками обозначений матери и отца, обладают, как установлено в психолингвистике, символическим значением «маленький» (см. [Левицкий 1975]).

В свете обсуждаемой фоносемантической закономерности может быть рассмотрен еще один герм. корень, происхождение которого остается неясным.

В древних германских языках понятие «мать» могло обозначаться корнем *ai¹-: гот. *ai'eī* «мать», дисл. *eīda* «тж»), *edda* (< ai¹¹-ōn/in) «бабушка», двн. *fuotar-eidi* «няня, кормилица», свн. *eide* «мать». Этот корень имел, очевидно, более широкое значение, указывая на родственные отношения: двн. *iedum*, *eidam*, н. *Eidem* «зять», да. *ādum*.

Наличие дентального ¹/ð- дает основание полагать, что *ai¹-/aið- относится к той же статистической универсалии, открытой Г. Мердоком, о которой шла речь выше, и, следовательно, является лепетным словом. Следует заметить, что характерным способом образования лепетных слов является метатеза и редупликация; например: *am* > *та* > *тата*; *an* > *па* > *няня*; *ab* > *ба* > *баба* (ср. рус. *мама.*, но н. *Атте*; рус. *няня*, но прус. *ане* «бабушка», лат. *anus* «старая

женщина»; рус. *баба*, но семит. *abbà* «отец»⁴. Учитывая сказанное, можно допустить сопоставление герм. **ai*'- со слав. **dědъ*, рус. *дед*, гр. *tēthē* «бабушка» (< **thē-thē*, ие. **dhē-dhà*), *the* → *os* «дядя». Если исходить из существования варьирующегося (под влиянием обычных в таких случаях экспрессивных факторов) ие. корня **at-/ait-/aidh-/ēdh-*, то *at* > *atta* (известный корень для обозначения отца), *tata* (рус. *тятя*); *ait* > герм. *ai*'-; *ēdh* > *dhē-dha* (рус. *дед*, гр. *tēthē*). Сюда же уверенно можно отнести загадочное слово *Edda*, которое, как уже предлагалось в компаративистике, следует понимать как «прародительница» (другие гипотезы – см. в [Lehmann 1986]).

Реальность выдвинутой нами гипотезы о варьировании ие. корня *at-/ait-* подтверждается данными других исследователей. Так, К. Уленбек ([Uhlenbeck 1902: 115]) возводит герм. **ai*'*ein-* к ие. **aita-* «отец» и сопоставляет германский корень с ирл. *aite* «воспитатель». Наличие звука *i* в ирландском слове рассматривается как эпентеза. Аналогичная форма с *i* обнаружена К. Уленбеком в баскском. Из заключительного замечания К. Уленбека («viel häufiger ist der Typus at(t)a») видно, что он идентифицирует *aita* с *atta*.

Мы проверили баскский материал, на который ссылается К. Уленбек, по словарю [Löpelmann 1968]. Баск. *aita* трактуется в этом словаре как лепетное слово из языка детей и сопоставляется с аналогичными словами в др. языках: лат. *atta*, венг. *atya*, тур. *ata*; среди приведённых африканских форм обращает на себя внимание бербер. *dada*, *adda*, *atta* (Koseform für Vater, Onkel, Tante), т.е. явные формы с метатезой по модели, о которой говорилось выше.

Предлагаемая нами реконструкция *at* > *at-ta* (редупликация + метатеза), подтверждённая фактами реальных языков (ср. приведённые выше семитские формы), объясняет наличие двух *tt* в корне *atta*. («Удвоение» до сих пор не нашло удовлетворительного объяснения в этимологических исследованиях – см. [Vries 1962: 1]; там же частичный обзор литературы).

Менее убедительной выглядит гипотеза Ф. Мецгера ([Mezger 1960: 86-86]), сопоставляющего герм. **ai*'*in-/ai*'*ōn-* «мать» с герм. **ai*'*a-* «клятва» (< ие. **o*'*at*). Первоначальным значением **ai*'*bin-*, по Мецгеру, могло быть «сожигательница» (в отличие от законной жены, обозначавшейся иным словом).

Приведенная реконструкция **aidh-/ēdh-* близка по форме (с учетом используемой в лепетных словах метатезы) к ие. корню **dhē* «кормить грудью; ребенок»: рус. *дету*, гот. *daddjan* «кормить грудью», двн. *tila* «сосок», дисл. *dilkr* «ягненок», ди. *dháyati* «сосет грудь», *dhàtri* «няня, кормилица», гр. *thēlē* «материнская грудь». В этом гнезде представлены все семантические компоненты, порождающие обсуждаемую нами универсалию: [ребенок], [женская грудь], [молодое животное], [няня, кормилица]. Являются ли приведенные в этом разделе факты результатом случайного совпадения не связанных между собой явлений?

Несмотря на успехи, достигнутые сравнительно-историческим языкознанием в изучении германских языков, значительный пласт герм. лексики не получил удовлетворительного этимологического толкования. Тайна происхождения этой лексики может оставаться неразгаданной еще долгие годы, если не будут найдены нетривиальные подходы к ее изучению. Разумеется, «нетривиальность» не должна означать в данном случае, что строгие формальные и семантические процедуры, разработанные в сравнительно-историческом языкознании, могут быть заменены произволом исследователя. «Нетривиальность» означает лишь, что многочисленные исключения, наблюдаемые в развитии формы и семантики германских слов, должны быть систематизированы и сформулированы в виде новых правил, регулярность которых обеспечит, по крайней мере, тот уровень формализации анализа, который можно требовать от такой науки, как этимология.

Примечания

¹ Сходное толкование предложено Й. Триром, который сближал **rətēg* с гот. *fa'a* «изгородь, забор» (см. Trier 1942).

² А.М. Газов-Гинзберг, основываясь на материале семитских языков, полагает, что носовые согласные обозначают прежде всего мать и няню, взрывные губные – бабушку и отца (ср. баба, папа), а взрывные переднеязычные – отца, деда или вообще взрослых людей (см. [Газов-Гинзберг 1965: 88]).

³ Примечательно, что в албанском языке этот ие. корень представлен значением «сестра» (алб. *motër*), а не «мать». Если значение «сестра» первично, то ие. **am-/ma-* означало не только мать, но и

няню, старшую сестру и т.п. (ср. н. Амме «няня», дисл. *amma* «бабушка»).

⁴ В [Malkiel 1990: 47] аналогичные факты трактуются несколько иначе; изменения типа Annie > nappu происходят в результате перестановки согласного из середины слова в его начало. О метатезе в языке женщин в древних ие. языках – см. [Кноблех 1988].

Литература

1. Газов-Гринзберг А.М. 1965 – Был ли язык изобразителен в своих истоках? – М.: Наука, 1965. – 184 с.
2. Кноблех И. 1988 – Индоевропейская и трансиндоевропейская этимология // Этимология. – М., 1988, с. 126-131.
3. Левицкий В.В. 1975 – Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. – М., 1975. – № 4. – С. 54-61.
4. Lehmann W.P. 1986 – A Gothic Etymological Dictionary. – Leiden: E.J. Brill, 1986.
5. Löpeltmann M. 1968 – Etymologisches Wörterbuch der baskischen Sprache. – Berlin: de Gruyter, 1968, 1-2 Bd.
6. Malkiel Y. 1990 – Diachronic problems in Phonosymbolism. *Edita and Inedita*, 1979-1988. – Amsterdam / Philadelphia, 1990. – 274 p.
7. Mezger F. 1960 – German *aiþa*- „Eid, Eideshelfereid“: got. *aiþei* „Mutter“ // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 76, 1960, S. 85-86.
8. Murdock G.P. 1959 – Gross-language parallels in parental kin terms // *Anthropological Linguistics*, 1959, v. 1, p. 1-5.
9. Trier J. 1942 – *Zaun und Mannring* // *BGDSL*, 66, 1942, S. 232-264.
10. Uhlenbeck C.C. 1902 – *Zur gotischen Etymologie* // *BGDSL*, 27, 1902, S. 113-136.
11. Vries J. 1962 – *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. – Leiden: E.J. Brill, 1962.

